

Особенности политической мобилизации этнических групп в современной России

Аннотация. Сегодня Россия столкнулась с задачами проведения полноценной модернизации, которые для неё критически совпали с проблемой её интеграции в мировое сообщество в условиях уже нового феномена глобализации. Поэтому в условиях начавшейся реальной модернизации общества, коллективистски ориентированные этнические группы РФ оказались в состоянии кризиса этничности, прореагировав на ощущаемую угрозу своим этническим идентичностям повышением межэтнической напряженности и усилением внутригруппового единства. В условиях роста межэтнической напряженности диспропорция в демографическом составе республик и неравнозначность в положении этнических групп в системе «власти-подчинения» ведут к тому, что этнические меньшинства начинают все в большей степени ощущать себя притесненными. Они нуждаются в социальной, правовой и политической защите.

Ключевые слова: нация-государство, этнонационализм, этническая идентичность, горизонтализация, титульность, внутриэтническая консолидация, разностатусные этнические группы.

Раздел: (03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.

Совокупность переменных факторов среды, с импульсами которой вступают во взаимодействие константные компоненты этничности, образуют целостный механизм политизации этнической идентичности. Построение системы переменных факторов предполагает их рассмотрение как многоуровневого образования.

Нация, конституируя государство, тем самым создает в его лице эффективнейшее средство и собственного строительства, строительства культурной гомогенности. Алексис де Токвиль писал, что до Французской революции 1798 года вероятная гомогенность населения Франции была разделена на множество определенных компонентов, маленьких самодостаточных частиц, каждая из которых «бдительно» отслеживала свои интересы и не принимала никакого участия в жизни более крупного сообщества. Только около 50% населения говорило на французском языке, а остальная часть – на множестве локальных диалектов, на которых говорили преимущественно простые люди, проживавшие на периферии. В Италии ко времени ее объединения в 1880 году мизерный процент населения говорил на стандартном итальянском языке (Welsh, 1993:65) [1]. Иными словами, историческая логика «нациестроительства» выражалась формулой: «Политическая элита конституирует государство, а затем государство создает нацию».

Создание нации предполагало не только достижение культурной гомогенности населения, но и формирование национальной идентичности в виде конструирующихся границ, в пределах которых должно было выкристаллизироваться устойчивое чувство национального отличия. Легитимность суверенного государства должна была основываться не только на формально-правовых идеях, но, что особенно важно, на появившейся эмоциональной связи. С этой целью государство облекало себя в национально-политическую карнавализованную символику.

Важнейшим и практически незаменимым средством периода рождения «нации-государств» была война. Как заметил Чарльз Тилли, «война создает государство, а государство создает войну, и оба они создают национализм». Международная вооруженная реакция против Французской революции породила небывалый подъем мобилизационной активности населения, выразившейся во взрыве национального самосознания, вдохновленного идеей защиты революционного государства. То же самое можно сказать о создании итальянского государства (Snyder, 1993:14) [2]. Начавшаяся в 1914 году война России с «Тройственным союзом» вызвала небывалую в стране эйфорию и политическую мобилизацию. Панславистская идея политически мобилизовала все общество, сплотила людей вокруг монархии, породив небывалые формы национализма.

Однако то, что являлось естественным в исторический период рождения современных государств, стало весьма проблематичным в условиях развернувшихся процессов глобализации. Сегодня её угроза направлена одновременно как на суверенитет государства – основу её власти, так и на иллюзию культурной однородности нации (Penrose, 1993:18) [3]. Постиндустриальное общество, утверждение политического и культурного плюрализма вывели на арену общественной жизни новый параметр социокультурного и политического бытия современных обществ. Это феномен «движения многообразия». Социально-политическая и культурная активизация социальных меньшинств, в том числе и этнических, стала ответной реакцией не только на углубляющиеся процессы демократизации, но и на процессы унификации и стандартизации индивидуального бытия человека. Многообразие становится реальностью и наряду с процессами глобализации, бросившими вызов «нации-государству» извне, продуцирует процессы фрагментации изнутри, снижая тем самым контроль государства над собственными делами.

В связи с этим, как нам представляется, в особо критическом положении оказалась Российская Федерация. Будучи не подготовленным ни интеллектуально, ни политически и организационно, государство российское, встав перед проблемой «нации-строительства», обнаружило, что испробованные историей проекты строительства наций в новых условиях, в условиях вторичных исторических феноменов, не работают. Политическая власть страны оказалась не готова принять вызов феномена глобализации и найти иные средства построения российской нации. Отсутствие на протяжении 15 лет российских реформ ясной доктрины национального строительства очевидное тому подтверждение.

Второй группой переменных факторов среды, способных вызвать процессы политизации этнической идентичности, являются макроструктурные изменения социальной системы. Здесь речь идет прежде всего об общественных изменениях, вызванных осуществлением различных проектов модернизации.

Согласно теории модернизации, политизированная этническая идентичность как одна из разновидностей националистической идеологии и социального движения принадлежит к «домодернистским» и «дорационалистским» формам мышления и политического участия. Поскольку этнонационализм и этническая идентичность связаны с эмоциональными и отчасти примордиальными элементами социальной идентификации и социальных связей, постольку они объективно вступают в противоречие с новой системой элементов, на которой строятся иные формы структуры социальной идентичности и лояльности. Процессы модернизации означают помимо прочего модернизацию (т. е. рационализацию) индивидуальной и социальной идентификации и восприятия групповой идентичности. Модернистское мышление означает приоритет рационального интереса, а также преимущество скорее культурной, чем эмоциональной

идентичности. Однако модернизация не означает ослабления примордиальных связей и тотальной «холодной» рационализации человеческого мышления. Напротив, в процессе своего развития модернизация на время может привести к актуализации этнической идентичности, которая в данном случае выступает своеобразной психологической нишей, обеспечивающей необходимое для каждого человека ощущение собственной безопасности перед лицом критических трансформаций.

В процессе модернизации этнонациональная интеграция требует значительной социальной мобильности. Однако первоначально эта мобильность создает значительное напряжение между людьми и группами, которые до этого находились в изоляции. Социальная мобильность разрывает эту изоляцию, может сопровождаться чувством беспокойства и подвергать риску традиционные индивидуальные и групповые ценности и элементы групповой идентичности.

Возрастающая социальная мобильность обеспечивает не только социальную (национальную) интеграцию; одновременно она ломает старые локальные и региональные барьеры, ценности и образы жизни. Малые социальные группы начинают чувствовать, что они теряют свою идентичность. Во всех индустриальных обществах расширенная социальная мобильность ускоряется растущей интеграцией и ростом качества жизни.

Но социальная и пространственная мобильность создает более реальные и более постоянные причины для будущих этнорегиональных конфликтов. Она создает то, что Липхарт назвал «горизонтализацией» вертикальных этнических групп. Горизонтализация означает этническую стратификацию, которая возникает в процессе миграции этнической группы на территорию, занятую и воспринимаемую как собственная другой этнической группы. Появившаяся группа обычно становится либо доминирующей, либо подчиненной. Члены этой группы никогда не распространяются пропорционально среди местного населения. Подобный феномен наблюдается во многих регионах: в Корсике во Франции, Силезии в Польше (Babiriski, 1995) [4].

В условиях России, как известно, модернизация, начавшаяся в дооктябрьский период и продолженная в годы советской власти, оказалась реализованной лишь в технико-экономическом плане. Огромная индустриальная держава, прошедшая период модернизации, не завершила её в политическом и социокультурном отношении. Модернизация в её классическом варианте должна была привести не только к построению современной индустрии, но и формированию гражданского общества, политической демократии, политического и культурного плюрализма. Именно по этой причине, несмотря на процессы гомогенизации и создания советской общегражданской идентичности, социокультурные размерности, этнические образы, составляющие социально-психологический уровень структуры этнической идентичности народов Советского Союза, оказались практически нетронутыми. Советская власть за годы своего существования не изменила и не стремилась изменить коллективистские установки и авторитарные модели мышления народов Северного Кавказа. И идеологически, и психологически, возможно, кроме этнических групп вайнахов (чеченцев и ингушей), народы Северного Кавказа приняли авторитарно-тоталитарную модель политической власти в стране как идентичную коллективистско-авторитарному духу своих идентичностей.

Сегодня Россия столкнулась с задачами проведения полноценной модернизации, которые для неё критически совпали с проблемой её интеграции в мировое общество в условиях уже нового феномена глобализации. Поэтому в условиях начавшейся реальной модернизации общества коллективистски ориентированные

этнические группы РФ оказались в состоянии кризиса этничности, прореагировав на ощущаемую угрозу своим этническим идентичностям повышением межэтнической напряженности и усилением внутригруппового единства.

В нынешних условиях по причине того, что государство оказалось неспособным минимизировать социальные издержки модернизации и взять под контроль процессы перераспределения, стало возможным естественное в таких условиях и подтвержденное практикой других стран, прошедших путь модернизации, обострение борьбы этнических элит, столкнувшихся в глобальном переделе собственности и власти.

Этнические элиты, или «этнические антрепренеры», как назвал их американский политолог Дж. Ротшильд, становятся главными политическими факторами в этой борьбе. Истоки их потенциальных возможностей автор фундаментального труда «Этнополитика» видит в неравномерности «модернизации», которую испытывают современные (модернизированные) и переходные (модернизирующиеся) общества. Эта «модернизация», с одной стороны, вроде бы и способствует усилению социальной мобильности, но с другой – часто поддерживает и усиливает неравенство между группами, одновременно подрывая оправдание кажущейся неизбежности такого неравенства. «В результате, – приходит к выводу Дж. Ротшильд, – в современных и переходных обществах, в отличие от традиционных, политизированная этничность стала решающим принципом политического оправдания и осуждения систем, государств, режимов и правительств. Одновременно она предстала в качестве эффективного инструмента внедрения мирских интересов в общественную конкуренцию за власть, статус и благосостояние» (Rothschild, 1981:2) [5].

Таким образом, политизированная этничность, по Дж. Ротшильду, есть специфическая реакция этнической идентичности группы на структурные изменения, вызываемые макроуровневыми процессами трансформации общества. При этом чрезвычайно важно учитывать то обстоятельство, что подобная стратегия этничности, реагирующая на характер общественных перемен процессами внутригрупповой консолидации, является реакцией не столько на трудности адаптивного характера, сколько, как мы считаем, на изменения конфигурации межэтнического взаимодействия. Социальная мобильность, вызываемая процессами структурных перемен, по определению, предоставляет равные (внеэтнические) возможности для радикального изменения своего социально-институционального статуса в системе межэтнических отношений. Поэтому феномен политизированной этнической идентичности и последующая стратегия политической борьбы могут рассматриваться как снятие определенных, сложившихся ранее социально-политических препятствий и закрепление через систему перераспределения политико-властных полномочий нового экономического и социально-политического статуса этнической группы.

На региональном уровне процессы модернизации, как, например, в Карачаево-Черкесии, могут служить яркой тому иллюстрацией. Карачаевцы, в силу особенностей своей этнической идентичности, в этих условиях оказались более подготовлены к принятию новых социальных реалий и продемонстрировали более высокую социальную мобильность и приспособляемость. В отличие от этатистских установок группового сознания русского населения, карачаевцы, выработавшие установку полагаться на собственную индивидуальную мобильность, в этих условиях объективно выступили завуалированным источником межэтнической напряженности.

Оценка политизированной этничности, предложенная профессором Л. М. Дробижевой, как рецидивирующего традиционализма, препятствующего модернизации (Дробижева, 1994в:12) [6], отражает лишь одну из возможных сторон этого сложного и

неоднозначного явления. Такая аксиологическая нагрузка, как нам представляется, затрудняет понимание кризисных процессов этнической идентичности, пытающейся в условиях стремительных социальных перемен найти эффективные способы адаптации. Одним из таких способов может стать этнополитическое движение, которое не столько стремится препятствовать процессам модернизации, сколько обратить внимание на её деструктивное воздействие на внутренний мир этнической общности. Особенно, как мы полагаем, подобная постановка вопроса актуальна в России, где процессы системной трансформации по причине политической и организационной неэффективности центральной власти оказались вне сферы социального управления.

К макроструктурным изменениям политического характера, обуславливающим процессы этнополитической мобилизации, как в условиях продвинутых обществ, так и в условиях российской действительности, следует отнести процессы демократизации.

В отличие от прежнего режима, когда безобидное проявление гордости за свой народ могло в лучшем случае стоять человеку ярлыка националиста, а в худшем – стать объектом всевозможных преследований, в нынешней «демократизировавшейся» действительности разнузданный и оскорбительный национализм принимается как само собой разумеющийся факт. Неограниченная свобода нецивилизованных форм политического участия, подчас сопряженная с прямым нарушением закона, создает «благоприятные» условия для радикализации процессов политизации этнической идентичности.

Общепринятым в исследованиях феномена политизированной этничности является признание политической и организационной неэффективности федерального центра полиэтнического государства, зачастую играющего в этноконфликтных ситуациях собственную игру, воображение которой не выходит за рамки древнеримской формулы «Разделяй и властвуй». Межэтническая напряженность в Карачаево-Черкесии в ходе выборов главы республики 1999 года могла бы избежать угрожающих масштабов, если бы федеральный центр занял продуманную, взвешенную и объективную позицию.

Различные этнические движения и националистические идеологии, политически мобилизующие этническую идентичность и на её основе приводящие в действие механизмы внутриэтнической консолидации, неизбежно оказываются в конфронтационном взаимодействии с государством, а в широком политологическом смысле – с политическим режимом полиэтнического общества. В этом взаимодействии вслед за Ф. Бартом можно выделить несколько аспектов, существенных для понимания этнополитических моделей развития.

Во-первых, как полагает Ф. Барт, важно осознавать, что современное государство обеспечивает громадное поле общественных благ, которые оно может распределить среди различных категорий лиц или оставить открытыми для конкуренции. Это ресурсы другого рода, неподвластные анализу в терминах нормальных экологических процессов, тем не менее, они подвержены регулированию и властному распределению государством.

Во-вторых, государство по определению непосредственно взаимодействует с группами и категориями людей, регулируя их жизнь и деятельность. При этом часто приходится наблюдать появление новых организационных групп, помогающих прав и доступа к властным ресурсам в рамках этого государства. Зачастую государство в силу свойственной ему административной тупости само способствуют сплочению людей в тесные ассоциации как ответ на появление «политического фаворитизма». Ценные ресурсы полиэтнического общества могут произвольно распределяться или отри-

цаться бюрократическим произволом, противопоставляя друг другу конкурирующие этнические группы. Таким образом, современные государства часто сами способствуют актуализации существенных этнических различий внутри поля непрерывных процессов культурного развития. Каждый тип групп, соответственно, рассматривается враждебным к таким государственным структурам (Barth, 1994:20) [7].

В-третьих, политическая мобилизация этнических групп становится в высшей степени возможной и успешной в тех условиях, когда политико-правовые, идеологические и социально-экономические факторы не привели еще к институционализации механизма, обеспечивающего преемственность политического режима. Это касается прежде всего нынешней российской политической действительности. Политический режим, который озабочен проблемой самосохранения, естественно, будет использовать любую политическую ситуацию, в том числе и этнополитическую, в сугубо конъюнктурных целях. В этой ситуации значительно возрастают шансы тех этнических элит, которые оказываются способными эффективно использовать интересы политического центра в собственной политической игре и умело сочетать их в реализации своих целей. Данная конфигурация политических интересов ярко высветила свое содержание в эскалации межэтнического противостояния в Карачаево-Черкесии в ходе выборов главы этого региона.

К переменным факторам мезоуровня среды системы этнической идентичности относятся особенности этнонациональной структуры полиэтнического общества.

Под этнонациональной структурой мы понимаем совокупность вертикально-горизонтальных связей, отношений и способов взаимодействия этнических групп в условиях полиэтнического общества. В стратифицированном обществе этнонациональная структура обладает двумя существенными измерениями. Это, прежде всего, структура межэтнических отношений на макроуровне полиэтнического образования. Такая структура отражает общую картину взаимодействующих между собой групп в пределах всего социума. На мезоуровне этнонациональная структура описывает региональные особенности (исторические, социально-статусные, политические, социокультурные и т. д.) характера и способов взаимодействия этнических групп между собой. Так, например, этнонациональная структура Карачаево-Черкесии представляет собой устоявшуюся на протяжении длительного исторического времени совокупность межэтнических отношений пяти этнических групп: русских, карачаевцев, черкесов, абазин и ногайцев. Этнические идентичности этих народов, в частности когнитивно-перцептивные модели восприятия, этнические образы и социокультурные размерности (психологические универсалии), несут в себе отпечатки именно этих взаимодействующих групп республики. Несут в себе этнические идентичности также и груз исторических обид и этнических предрассудков, которые дали о себе знать в актуализированной (вызванной) форме в ходе политизации этничности карачаевцев летом этого года. Данная структура межэтнических отношений может быть понята как «горизонтальная». Однако для понимания феномена политизированной этнической идентичности важен другой аспект этнонациональной структуры, её «вертикальный» срез.

Вертикальное измерение этнонациональной структуры отражает прежде всего сложившиеся отношения между этническими группами в системе «власти – подчинения». Другим аспектом модели этнонациональной структуры является соотношение «демографических сил» этнических групп.

Рассмотрим оба этих аспекта этнонациональной структуры и возможные проявления их взаимодействия в плане анализируемой темы. В связи с этим нам бы хо-

телось высказать ряд соображений, связанных с понятиями «большинство»/«меньшинство», «титularyность»/«нетитularyные народы», «низкостатусная»/«высокостатусная группа».

Связывая рост потребности в этнической идентичности с усилением стремления членов группы к повышению своего статуса, Г. Солдатов называет и раскрывает содержание основных переменных этносоциального статуса: демографической силы, политических и социальных возможностей по защите интересов ее членов (Солдатов, 1998:35) [8]. «Понятие демографической силы воплощается в категориях “большинства” и “меньшинства”, а политико-правовой аспект межэтнических отношений – в категориях “титularyность” и “нетитularyность”. Численное превосходство на территории проживания, как правило, формирует ощущение своей значимости, рождает чувство гордости и защищенности» [9].

Однако в западных этнополитических исследованиях под переменной «демографического статуса» этнической группы понимаются не только количественные показатели группы, но и этнокультурно обусловленные механизмы популяционного воспроизводства. Особое место в изучении демографического статуса уделяется совокупности факторов, обеспечивающих количественное воспроизводство. В свою очередь, понятия «этническое большинство» и «этническое меньшинство» связываются многими авторами и разделяются нами в данной работе с характером политико-властных полномочий, распределенных между этническими группами и закрепленных политико-правовыми нормами в существующей политической системе. Таким образом, теоретически и практически граница между «большинством» и «меньшинством» пролегает между этническими группами не по количественным переменным, а в сфере переменных политических характера. То, что концептуализирует автор «Психологии межэтнической напряженности» в дихотомии «титularyность – нетитularyность», скорее соответствует содержанию понятий «большинство – меньшинство». Так, например, казахи в Республике Казахстан численно составляют не более 38%, однако по социально-политическому статусу фактически являются «этническим большинством», так как почти абсолютно доминируют в политической сфере общественных отношений. Есть и другой аспект, методологически ограничивающий операционализацию категорий «титularyность» – «нетитularyность». Как определить титularyность этнических групп в республиках, этнонациональная структура которых содержит пять этнических субъектов социального взаимодействия, как это имеет место в Карачаево-Черкесии?

Следует также заметить, что факт количественного превосходства одной этнической группы над другой автоматически не всегда и не везде ведет к формированию ощущения значимости, гордости и безопасности. Карачаевцы и русские в Карачаево-Черкесии всегда по понятию демографической силы занимали ведущие позиции в социально-этнической структуре республики. Тем не менее субъективные самооценки обеих групп, правда, в силу разных и известных причин не были адекватны их количественному статусу.

Политизация этнической идентичности в условиях постсоветской российской действительности помимо прочих причин вызывается процессом реструктуризации этнических отношений. Иными словами, в результате кардинальной перестройки прежней советской этнонациональной структуры, которая в настоящих условиях повсеместно выливается в политический и экономический передел власти и ресурсов, этнические группы неизбежно оказываются в ситуации этнополитического конфликта с неизбежной в такой ситуации эскалацией межэтнической напряженности. При этом следует иметь в виду, что первоначально требования нового вызова прежней меж-

этнической диспозиции и получения возможных политико-экономических преимуществ осознаются этническими элитами, мобилизующими для достижения собственных целей ресурсы этнической консолидации.

Как правило, на обыденном уровне политической оценки количественное доминирование связывается с обязательным доминированием в системе «власти-подчинения». В условиях межэтнического кризиса в Карачаево-Черкесии (апрель – август 1999 года) в сознании карачаевцев и большинства русского населения политическая радикализация черкесов и абазин, открыто стремившихся к политическому доминированию, вызывала явное недоумение.

В условиях роста межэтнической напряженности диспропорция в демографическом составе республик и неравнозначность в положении этнических групп в системе «власти-подчинения» ведут к тому, что этнические меньшинства начинают все в большей степени ощущать себя притесненными. Они нуждаются не только в социальной, правовой и политической защите. Для успешной адаптации к новым обстоятельствам им необходима собственная система психологической защиты. Она в значительной степени базируется на чувствах, имеющих негативный оттенок: зависимости, соперничества, страха, стыда и вины (Солдатова, 1998:35).

Совпадение количественного параметра этнической группы с высоким политическим статусом в системе «власти-подчинения» усиливает у этнических меньшинств ощущение своей ущемленности, которое в идеологических доктринах этнических антрепренеров принимает форму открытой дискриминации. Практика показывает, что установление политического паритета между этническими группами, вне зависимости от количественного параметра группы, не всегда является решением проблем межэтнической напряженности. Примером может служить Карачаево-Черкесия, в которой, в отличие от Республики Адыгея, в основу формирования структур представительной и исполнительной структур власти положен пропорциональный принцип.

Между разностатусными этническими группами всегда существует тот или иной уровень межэтнической напряженности. Достаточно обычна ситуация, когда к неравному статусу групп добавляется конкурентная борьба за ресурсы. В этом случае доминирующая группа рассматривает подчиненную как неполноценную, нуждающуюся в опеке и руководстве и пресекает любые попытки повышения статуса с ее стороны. Со стороны же этнического меньшинства, ощущающего себя ущемленным, появляется «свой» национализм — в форме попыток к сепаратизму (Солдатова, 1998:36).

Взаимодействие константных величин и переменных факторов рассматривается нами не только как механизм политизации этнической идентичности, как механизм, способный объяснить общую логику возникновения и развития этнополитического движения. В широком контексте вычлененные компоненты механизма также применимы и к возможному пониманию процессов трансформации этнической идентичности, начиная от типа индифферентного отношения к этничности и кончая различными формами состояния гипертрофированной этнической идентичности. При этом мы, естественно, далеки от оценки предложенной концепции политизированной этнической идентичности как некой теоретической схемы, которая в состоянии ответить на все вопросы этого сложного и многомерного феномена современности.

Тем не менее на основе анализа предложенного механизма политической мобилизации этнического самосознания, более чем возможно, как нам представляется, построение достаточно продуманной этнической политики не только на региональном, но и федеральном уровне.

Ссылки на источники

1. Welsh D. Domestic Politics and Ethnic Conflict // *Survival*. – 1993. – Vol. 35. – № 1. – P. 63–80.
2. Snyder J. Nationalism and the Crisis of the Post-Soviet State // *Survival*. – 1993. – Vol. 35. – № 1. – P. 5–26.
3. Penrose J. Globalisation, Fragmentation and a Dysfunctional Concept of Nation: the Death Knell of “Nation-States” and the Salvation of Cultural Diversity? // *The Ethnic identities of European minorities: Theory and case studies: The papers of the seminar on Ethnocultural Identity of European Minorities: Continuity and Change, Gdansk, 15–17 September, 1994* / ed. by B. Synak. – Wydaw, 1995. – P. 11–25.
4. Babiriski G. Regionalism Versus Nationalism? Toward a Theory of Ethno-Regional Movements // *The ethnic identities of European minorities: Theory a. case studies* / ed. by B. Synak. – Gdansk: Wydaw. Uniw. Gdanskiego, 1995. – 218 s.
5. Rothschild J. *Ethnopolitics: A conceptual framework*. – N. Y., 1981. – XI. – 290 p.
6. Дробижева Л. М. Этнический фактор в жизни российского общества к середине 90-х годов // *Конфликтная этничность и этнические конфликты: сб. ст. / отв. ред. Л. М. Дробижева*. – М., 1994(в). – С. 4–15.
7. Barth F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity // *The Anthropology of Ethnicity. Beyond “Ethnic Groups and Boundaries”* / eds. H. Vermeulen, C. Govers. – Amsterdam, 1994. – 106 s.
8. Солдатова Г. У. *Психология межэтнической напряженности*. – М., 1998. – 389 с.
9. Там же.

Oksana Kinoyan,

Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the chair of economics and management, Kuban State University (branch in Armavir), Armavir
kp.oxana@mail.ru

Features of political mobilization of ethnic groups in the modern Russia

Abstract. Today, Russia is facing challenges of full modernization, which for her critically coincided with the problem of its integration into the world community in the conditions of globalization is a new phenomenon. Therefore, in the real conditions of the early modernization of society, collectivist – oriented Russian ethnic groups, were in a state of crisis ethnicity, reacting to a perceived threat to their ethnic identity, increasing ethnic tensions and increased intra unity. In the face of rising ethnic tension imbalance in the demographic composition of the republics and inequality in the ethnic groups in the “power structure” lead to the fact that ethnic minorities are becoming increasingly feel oppressed. They need not only in the social, legal and political protection.

Key words: different statuses of ethnic groups, ethnic identity, ethnic nationalism, intraethnic consolidation, nation-state.

References

1. Welsh, D. (1993) “Domestic Politics and Ethnic Conflict”, *Survival*, vol. 35, № 1, pp. 63–80 (in English).
2. Snyder, J. (1993) “Nationalism and the Crisis of the Post-Soviet State”, *Survival*, vol. 35, № 1, pp. 5–26 (in English).
3. Penrose, J. (1995) “Globalisation, Fragmentation and a Dysfunctional Concept of Nation: the Death Knell of “Nation-States” and the Salvation of Cultural Diversity?”, in Synak B. (ed.) *The Ethnic identities of European minorities: Theory and case studies: The papers of the seminar on Ethnocultural Identity of European Minorities: Continuity and Change, Gdansk 1994, 15–17 September*, Wydaw, pp. 11–25 (in English).
4. Babiriski, G. (1995) “Regionalism Versus Nationalism? Toward a Theory of Ethno-Regional Movements”, in Synak B. (ed.) *The ethnic identities of European minorities: Theory a. case studies*, Wydaw. Uniw. Gdanskiego, Gdansk, 218 p. (in English).
5. Rothschild, J. (1981) *Ethnopolitics: A conceptual framework*, N. Y., XI, 290 p. (in English).
6. Drobizheva, L.M. (1994(v)) “Jetnicheskij faktor v zhizni rossijskogo obshhestva k seredine 90-h godov”, in Drobizheva, L.M. (ed.) *Konfliktnaja jetnichnost' i jetnicheskie konflikty: sb. st.*, Moscow, pp. 4–15 (in Russian).
7. Barth, F. (1994) “Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity”, in Vermeulen, H., Govers, C. (eds.) *The Anthropology of Ethnicity. Beyond “Ethnic Groups and Boundaries*, Amsterdam, 106 p. (in English).
8. Soldatova, G.U. (1998) *Psihologija mezhjetnicheskoy naprjazhennosti*, Moscow, 389 p. (in Russian).
9. Ibid.

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук, главным редактором журнала «Концепт»

ISSN 2304-120X

